

Дина Рубина

На исходе августа



Новеллы о путешествиях

Дина Рубина

На исходе августа

«ЭКСМО»

2005

Рубина Д. И.

На исходе августа / Д. И. Рубина — «Эксмо», 2005

ISBN 978-5-04-146776-0

«На исходе августа 2003-го я отбыла свой срок – три года строгого режима в одной израильской организации, базирующейся в Москве. Я неплохо держалась все эти три года...»

ISBN 978-5-04-146776-0

© Рубина Д. И., 2005

© Эксмо, 2005

Дина Рубина

На исходе августа

На исходе августа 2003-го я отбыла свой срок – три года строгого режима в одной израильской организации, базирующейся в Москве.

Я неплохо держалась все эти три года, носила пиджаки, обувь на высоких каблуках, переживала налеты бесконечных комиссий, разъезжала по городам России, улыбалась разнообразным посетителям, ворочала во рту каменные слова, каких сроду не произносил мой язык, – «проект», «презентация», «координационный совет»; бесконечно выступала перед публикой и... короче, проделывала еще множество подобных штук, о которых и не думала прежде у себя, там... то есть здесь, в Иудейской пустыне. Ну и вот, столкнулась, вызубрила назубок, или, как говорит моя мама, – «насобачилась».

Три года, три полных года без тридцати дней я крепилась, истово исполняя свои обязанности, недосыпала от беспокойства и усердия, а на излете своей службы сильно радовалась грядущей воле.

Но, видно, так уж устроен человеческий организм, во всяком случае мой организм: вернувшись к своим пустынным ветрам, сменив каблуки на сандалии и пиджаки на просторные балахоны, раскинувшись наконец на своей холмистой свободе, я немедленно жестоко заболела – внезапно и вся.

Меня покинули силы, просто до смешного: я валялась на диване с утра до ночи, покрываясь холодной испариной всякий раз, когда мне надо было подняться и доползти до ванной. Невропатолог поставил мне странный диагноз, в который при других обстоятельствах я ни за что не поверила бы. Звучал он элегично: *синдром хронической усталости*. Другой, ортопед, сказал, что позвоночник мой в бедственном состоянии, так что он и не удивится, если в самом скором времени я вовсе обездвижусь. Кардиолог навесил на меня суточные вериги: ребристый тяжелый прибор, фиксирующий малейшие изменения работы сердца, и последовавший за этим послушанием диагноз потряс меня своей образностью: *нервное сердце*.

И, наконец, специалист-маммограф продемонстрировал снимок моих собственных, таких привычных грудей, которые, словно глубоководные раковины, коварно копили в себе жемчужные россыпи.

Провалявшись дохлой рыбой несколько тягостных недель, я решила потащиться в Тель-Авив к своему гомеопату – старой и мудрой женщине, издавна, как голубя, подкармливающей меня белыми сладкими шариками.

Она лечила меня от самых разных болезней, а вернее, от разнообразных ощущений, которые всегда сводились к одному: разгулявшимся нервишкам. Она ссыпала в меня пригоршни белых шариков, встряхивала меня, вздергивала, иронически поглядывая поверх очков.

Словом, в один из дней, преодолевая сердцебиение, слабость и дурноту, я повлеклась в Тель-Авив.

...И пока сидела на вытертой кушетке в знакомой притемненной ставнями комнате, устремляя лицо к приветливо кивающему вентилятору, пока мой старый доктор Тала, похмыкивая, смотрела снимки и результаты анализов, я постепенно и ощутимо не то что приходила в себя, но поверила, что приду.

Наконец мне было объяснено, что все – вздор, все – разгулявшиеся нервишки. Попить вот это и поклевать вот это... А главное, поезжайте-ка дней на пять куда-нибудь в Хоф-Дор, и босиком, босиком – по горячему песку, по кромке воды...

– Да что вы, в конце концов! – сказала она. – Ведь в ваших руках главное лекарство, недоступное другим: сядьте и выпишите всю горечь, и соль, и отраву этих трех лет. Мне ли вас учить!

Тут же она позвонила в старую гомеопатическую аптеку Альтмана, что на углу Алленби и Кинг Джордж, минут пять говорила с каким-то Габи, втолковывая тому *дозы и разведение*, и велела мне напрямик ехать туда, забрать все эти капли, сладкие пастилки и, конечно же, столь любимые мною белые крошки, чтобы клевать их по утрам на голодный желудок.

Я расцеловала ее на прощание, вызвала такси и уже минут через десять закупала волшебные снадобья. У всех у них, кстати, были имена сказочных принцесс – Мелисса... Анжелика... Стафисагрия...

Габи оказался лучезарным инвалидом. У него был великолепный профиль справа: римское сочетание горделивого носа с крутым подбородком. Слева же – убогий, робкий, сплюснутый, как у рыбы камбалы, будто искаженный *ужасом*. Словно затеяв лепить это прекрасное лицо и неудачным движением божественного пальца запоров какую-то деталь, природа в сердцах смяла образец, как сминают податливый ком сырой глины.

Кроме того, на правой руке у него недоставало двух пальцев – среднего и безымянного.

К посетителям аптеки Габи всегда был обернут своим прекрасным профилем и неизменно улыбался.

– Прими вот это и это прямо сейчас, – посоветовал он после того, как в третий раз пускался в объяснения – когда и как принимать мне лекарства, а я смотрела на него вежливо и бессильно. – Прими сейчас, на тебе лица нет. Сядь, посиди вот здесь.

Я опустилась в старое кожаное кресло, вдвинутое в уютную нишу в стене, и долго сидела, заторможенно рассматривая покупателей.

И все время Габи зорко поглядывал на меня, обращая ко мне победный римский профиль с проникновенным карим глазом.

– Ты не мог бы вызвать такси? – попросила я наконец, когда аптека опустела: подошел обеденный перерыв.

– Я могу вызвать такси, – сказал он. – Такси не проблема... Где это ты так развинтилась, что стряслось с тобой? Постой, я накапаю доброй старой валерьяны, подкручу тебе гайки.

Он ушел внутрь помещения и сразу вышел, протягивая через прилавок маленькую круглую чашку, которую как-то ловко поддерживал тремя оставшимися пальцами. Я взяла ее и опрокинула в рот мятно-горькое содержимое.

Почему-то вид этой его руки, в которую, как в треногу, я вставила обратно чашку, привел меня в знакомое сильное волнение, вызвал странную дрожь сердца, спазм в горле и прилив обжигающей, невыносимой любви не к человеку даже, а ко всему окружающему меня в этот миг пространству. Словно детские штанишки на балконе дома напротив и замызганная тряпица бело-голубого флага, которые с вялым равнодушием полощет морской ветерок, а заодно и грузная старуха на табурете у дверей подъезда – не что иное, как последняя дарованная мне судьбой милость, с которой невозможно расстаться.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.